

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА СЕВЕРА

Орган Архангельского обкома и горкома ВКП(б)
и областного Совета депутатов трудящихся.

ЯНВАРЬ

29

ПОНЕДЕЛЬНИК

1940 года

№ 23 (5927)

Адрес: Архангельск.
проспект Сталинских
ударников, 86.

Цена 10 коп.

А. П. ЧЕХОВ

(К 80-летию со дня рождения)

Обстановка детства и юности Чехова была очень типична для того времени: ханжество, лицемерие, унижение человеческого достоинства, деспотизм, грубость, лезть и низкопоклонство.

Перейдя в пору зрелости, Чехов вступает в непримиримую борьбу с тем злом, которое отравило его детство, юность и раннюю молодость. Он начинает последовательно и неуклонно, по его собственному выражению, «выдавливать из себя по каплям раба».

Уже в первых своих литературных произведениях Чехов изображает конкретных носителей мерзости, рабства, которые отравляли атмосферу его молодости. Но, обличая и клеймя их, как личных врагов, Чехов таким образом выставляет у позорного столба и предаст всеобщему осмеянию угнетавшие Россию темные силы.

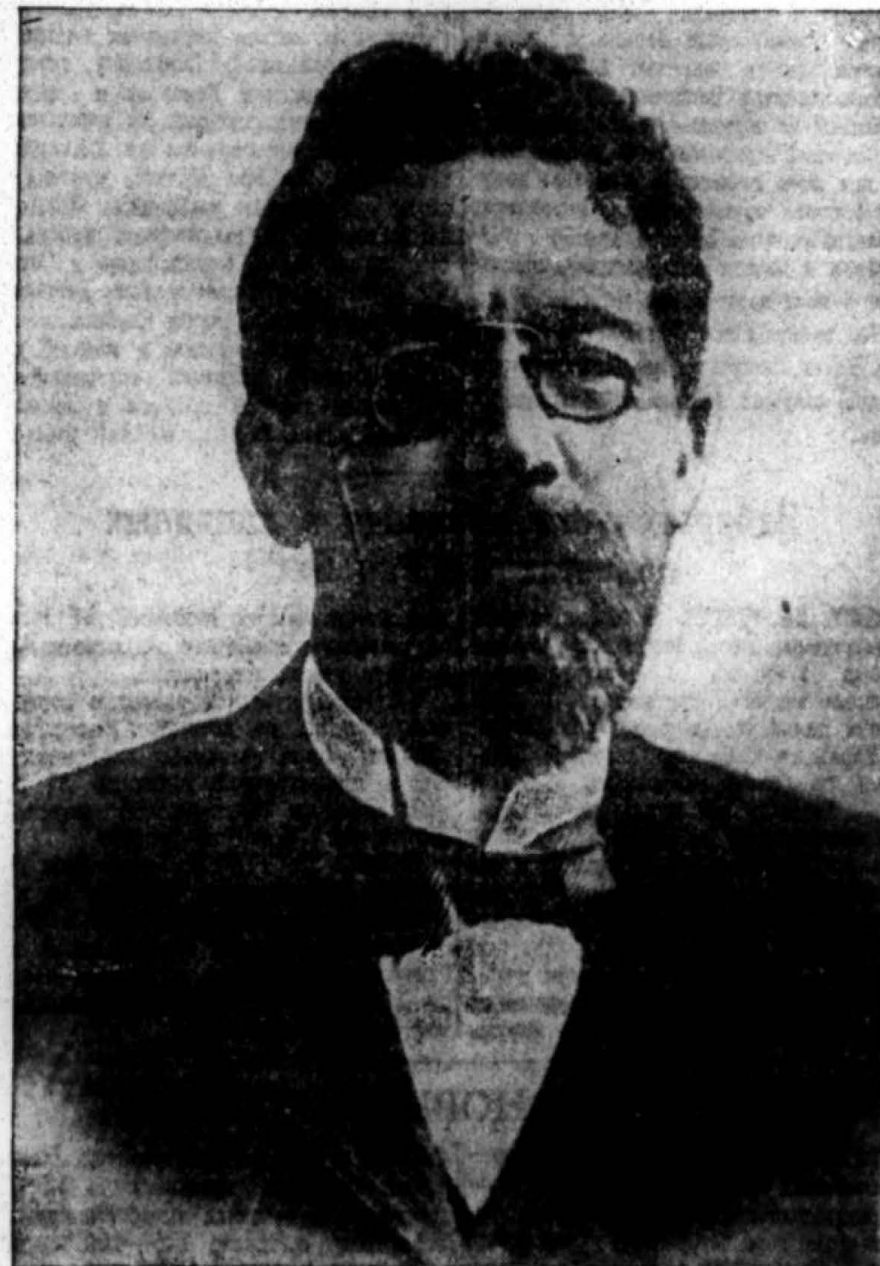
Вспомним «Ваньку», детские живые стремления героя этого произведения — мальчика Ваньки. Они никогда не осуществятся, как никогда не дойдет к дедушке его бесхитрое, но полное горечи письмо.

Мальчик Алеша из рассказа «Житейская мелочь» обманут в своей детской доверчивости: «Он дрожал, заикался, плакал; это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью». Ту же ложь, жертвою которой являются уже не дети, а взрослые члены семьи, мы видим в произведении «Тяжелые люди».

Такие рассказы, как «Хамелеон», «Маска», «Толстый и тонкий» и др. изображали страшный дух угодничества: все население великой страны делилось в соответствии с «табелям о рангах» на господ и рабов. Кто не помнит чеховского унтера Пришибеева, символического владыки тогдашней жизни, считающего идеалом порядка и благополучия всеобщее оцененное! Школа тех времен, являвшаяся поистине школой рабства, заклеивалась Чеховым особенно беспощадно в рассказе «Человек в футляре». Герой рассказа — учитель Беликов, который живет в вечном страхе «как бы чего не вышло», держал в плену своей боязни население всего города и сам умер от страха.

Как ни различны были облики темных сил царской России, Чехов сумел уловить в них и нечто общее. Это — отсутствие какого бы то ни было чувства уважения к человеческому достоинству и пошлый характер интересов и стремлений в обывательской среде. Эти два «устоя» царской России становятся предметом наиболее злых и беспощадных обличений Чехова.

В десятках своих рассказов Чехов изображает обывателя с заячьей душой, с вечным страхом перед всяким, кто чинит выше его, надменного и грубого с теми, кто от него зависит. Так веками «воспитывали» народ хозяева царской России, чтобы обезличить его и держать в повиновении.

Столь же велика у Чехова галерея мещан духа, пошляков, всевозможных «Ничей», быстро превращавшихся в атмосферу российской действительности из полных веры в жизнь идеалистов в жадных и тупых обывателей, в «Душечек», у которых вместо твердого индивидуального человеческого характера какой-то ком мягкой глины, во всякого рода карьеристов («Анна на шее»), стремящихся к мещанскому благополучию («Крыжовник»), в самодовольных тупиц («На святках») и т. д.

Позднее Чехов создал свои широкое, сложные объективные картины русской жизни, изумляющие богатством, разнообразием, жизненностью и верностью типов. Таковы повести и рассказы Чехова: «Дуэль», «Палата № 6», «Моя жизнь»,

«Мужики», «Ариадна», «Убийство», «Человек в футляре», «Три года» и т. д. Каждое из этих произведений вызвало живой отклик в печати, многие из них становились предметом бурных дискуссий, как это случилось, например, с рассказами «Мужики», «В овраге».

А. И. Ульянова-Елизарова в книге «Воспоминания об Ильиче» пишет:

«Остался у меня в памяти разговор с Володей о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова: «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любил Чехова, — он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера

вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Не все, конечно, так отчетливо, как Ленин, понимали «Палату № 6», изображавшую, как и другие произведения Чехова, глухую и мрачную дореволюционную действительность. Однако многие читатели ощущали то же самое, и здесь устанавливалась кровная связь Чехова с читательскими массами. Особенно это проявилось, когда началась общественный подъем, вылившийся затем в революцию 1905 года. В таких рассказах, как «Палата № 6», «Крыжовник», «Человек в футляре» и др., Чехов выражал настроение, которое можно формулировать словами одного из героев рассказа «Человек в футляре»: «Нет, больше жить невозможно!». Давая своими произведениями исход этому массовому читательскому ощущению, Чехов выполнял поистине революционную миссию.

Чехов умер в 1904 году в полном расцвете своей творческой мощи. Еще в 1898 году, до появления таких вещей, как «В овраге», «Дама с собачкой», «Душечка», «Невеста», «Три сестры», «Вишневый сад» и др., Горький в обращении к Чехову пишет:

«...ты — талант разительно сильный... В русской литературе еще не было новеллиста, подобного вам, а теперь вы у нас самая ценная и крупная фигура. Хорош Мопассан и очень я его люблю — вас больше его. Я вообще не знаю, как сказать вам о моем преклонении перед

вами, не нахожу слов и — верьте! я искренен. Вы могучий талант».

Роль Чехова в развитии русской литературы поистине огромна. Он создал короткую, сжатую, но глубоко содержательную повесть. Он чрезвычайно освежил форму небольшого рассказа и развернутой повести. Настоящий переворот произвел он в области драматургии, создав так называемую «драму настроения». В том театральном репертуаре, который застал Чехов, дело сводилось к изображению чисто внешних событий и положений, а в завязке и развязке, равно как и в трактовке действующих лиц, царил шаблон. Страсти человеческие выражались на сцене крикливо, чисто внешне.

Чеховские пьесы внесли в театр свежую струю. Герои чеховских пьес не кричат, не суетятся, не мечутся по сцене. Они ведут себя на сцене так, как в жизни.

Московский Художественный театр, первым воплотивший на сцене эту новую правду чеховской драмы, окреп и вырос на пьесах Чехова и Горького.

Высшую хвалу, какую только может получить русский писатель, воздал Чехову после его смерти Лев Толстой. Он не задумался поставить его рядом с Пушкиным. Толстой сказал: «Чехов!.. Чехов это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил сам, так и в рассказах Чехова, хоть в каком-нибудь из них, читатель непременно увидит себя и свои мысли...»

Чехов — один из самых читаемых и любимых писателей в нашей стране.

А. Дорман.